

Как город Е, так и секта меча Цинлу располагались на Южном континенте. Конечно же, здесь слава Чжун Шаня гремела повсеместно. Поэтому великолепие Чу Хуаня, ученика Мудреца из секты Ляньцзянь, которая находилась на Центральном континенте, затмили другие звезды фестиваля "Срывания цветка". Хотя в своих предыдущих боях он проявил выдающуюся силу, но все это оказалось в рамках ожиданий, ему не удалось никого удивить.

Некоторые даже считали, что он до сих пор не встретил достойного противника, поэтому до сих пор не использовал свои лучшие приемы. Его недооценивали точно так же, как Чэнь И до того, как тот встретился в поединке с Инь Биюэ.

Большая часть девушек секты Ляньцзянь своей отвагой и своевольностью походили на главу секты, Ян Лю. В то же время, многие мужчины их секты напоминали характером их старейшину, Цюй Цзяна.

Среди всех шести Мудрецов Цюй Цзян отличался самым мягким нравом и держался скромнее всех. Он был похож на истинного Мудреца лишь в те моменты, когда обнажал свой меч.

В конце концов, Дуань Чунсюань сопоставил всю полученную из различных источников информацию и пришел к выводу:

— Могу предположить, что в предыдущих боях Чу Хуань не использовал и сорока процентов своей силы.

Инь Биюэ слегка нахмурил брови. Он наблюдал только за одним из поединков Чу Хуаня. Тогда тот не использовал технику "Весна наступила для засохшего дерева", поэтому он не имел никакого представления о настоящей силе Чу Хуаня.

Ло Минчуань улыбнулся и успокоил их:

— Не волнуйтесь. Я тоже изучил некоторые техники, основывающиеся на стихии дерева.

Старший брат-ученик! Есть ли что-то, чего ты не изучил!

Разумом Инь Биюэ понимал, что он чрезмерно беспокоится, ведь старший брат-ученик непременно победит. Но все равно он не мог не тревожиться, и эта тревога не походила на испытываемые им прежде чувства.

Такие эмоции были для него крайне незнакомыми, он даже начал подозревать, что в последнее время с ним происходит что-то странное.

Поединок должен был начаться на рассвете. Поскольку это был первый бой последнего тура, в котором ученик главы секты Цанъя должен был сразиться с учеником Мудреца секты Ляньцзянь, даже если бы его назначили на еще более раннее время, его все равно пришлось бы посмотреть множество людей. Особенно это касалось приехавших в город Е учеников из сект Цанъя и Ляньцзянь, которые явились в полном составе.

Оба соперника поднялись на арену и отдали друг другу положенные церемонии.

Что касается внешности, Чу Хуань был более примечательным, чем Чэнь И. Однако по характеру и манерам они ничем не отличались. В своих длинных фиолетовых одеждах секты Ляньцзянь с широкими рукавами и узкой талией он производил ощущение мягкости и спокойствия.

Взглянув на стоящие на арене благородные фигуры двух молодых людей, все присутствующие почувствовали, что они радуют сердце и глаз.

Чу Хуань произнес:

— Это честь, наконец встретиться с тобой¹.

Ло Минчуань ответил:

— Я не заслуживаю таких слов.

Сразу после этого, без лишних слов, официально начался бой.

Чу Хуань поспешил первым применить свой прием. Из его рукавов вылетела вспышка зеленого света. Просвистел ветер, который в мгновение ока образовал воронку!

И только когда он подлетел к Ло Минчуаню, все хорошо разглядели, что это была зеленая лоза. Свежая и сверкающая от влаги, она продолжала непрерывно выбрасывать новые побеги.

Чу Хуань держал концы лозы в своих рукавах, взмахивая ей, словно длинным бичом!

Выражение лица Ло Минчуаня осталось неизменным. Практически в тот же момент, как появилась лоза, перед ним внезапно вспыхнула стена огня!

И тогда Дуань Чунсюань немного устыдился, поскольку осознал, что Ло Минчуань активировал жестами заклинания намного быстрее, чем он сам бросал талисманы.

Однако это лишь на мгновение замедлило наступление лозы. Обуглившиеся ветви быстро сменили новые, полные жизни. Они неожиданно прорвались сквозь огненную стену и снова атаковали!

Зрители наконец-то разглядели движения рук Ло Минчуаня, формирующего новое заклинание. Но не успели они вскрикнуть от удивления, как стена огня превратилась в море огня.

Утренний ветер все больше и больше раздувал пламя. Вскоре оно объяло всю арену, словно поглотило небо и пожрало землю. Ученики, стоявшие ближе всех к арене, почувствовали, как им в лицо ударила волна жара.

Фигура Ло Минчуаня почти скрылась в языках бушующего пламени.

Тело Чу Хуаня защищала истинная сущность, но он все равно почувствовал острую боль, когда яростный огонь коснулся его кожи. По усыпанным россыпью звезд фиолетовым одеждам начала быстро расползаться зелень. Хотя плети лозы казались тонкими и слабыми, они окружили его тело, как неуязвимая броня.

Плеть в его руке взметнулась, перелетев через море пламени. Закрутившись подобно бешеному ветру, она напоминала огромные волны, которые накатились на берег и устремились прямо на Ло Минчуаня.

Обычно темп битвы культиваторов духа был довольно медленным. Но эти двое выходили за рамки здравого смысла. Они выглядели так, словно хотели немедленно определить, кто станет победителем, а кто проигравшим.

Даже Дуань Чунсюань не понимал, что происходит.

— Количество истинной сущности, которую тратит старший брат-ученик Ло...

Диаметр арены превышал несколько десятков футов. Сколько же истинной сущности ему понадобилось, чтобы создать такое огромное море огня, которое смогло охватить ее целиком.

Инь Биюэ понял, что он имел в виду. Хотя он и был немного неуверен в своих догадках, но все равно тихо прошептал:

— Когда-то я видел одну технику в академии Ланьюань. Она была немного похожа на "Паром, сбившийся с пути из-за луны". Половина огня на арене, скорее всего, является иллюзией.

Дуань Чунсюань почувствовал, что у него словно пелена с глаз упала.

Подобная мысль пришла в голову не только Инь Биюэ, но и некоторым другим людям.

Но никто не ожидал, что на самом деле фальшивой была не половина огня, а по крайней мере восемьдесят процентов. Но иллюзорное пламя ничем не отличалось от настоящего.

Над бушующим пламенем поднимался густой дым, который возникал из-за непрерывно сгорающих растений.

Некоторые зрители заметили, что Чу Хуань отзывает свои плети лозы, и задались вопросом, не собирается ли он признать поражение.

Однако Чу Хуань вышел на середину арены и, окруженный со всех сторон стеной огня, принялся формировать печати заклинания.

Он совершал жесты обеими руками, и они выглядели очень причудливыми. Никто не мог их узнать.

Обвивавшие его тело зеленые плети лозы постепенно обуглились и попадали вниз. Фиолетовые одежды теперь ничто не защищало от бушующего пламени.

Тем не менее, его движения были размеренными, а лицо выглядело спокойным и безмятежным.

Когда темп его жестов немного ускорился, зрители внезапно почувствовали, как слегка задрожала земля. Они удивленно воскликнули:

— Землетрясение?

— Я тоже это почувствовал. Что происходит?

Землетрясение было не очень сильным, но обостренные чувства культиваторов подсказывали им, что все это им не почудилось.

В крайней растерянности они сосредоточились на своих ощущениях.

В следующее мгновение провалилась земля и перевернулись горы². Послышался оглушительный грохот.

По поверхности арены побежали бесчисленные трещины!

И сквозь эти трещины начали пробиваться новые побеги. Они взмыли в воздух, невзирая на

пламя и ветер. В мгновение ока зелень вымахала на несколько десятков футов!

Зрители ошеломленно уставились на возвышающийся на арене лес вязов, который вырос в одно мгновение и закрыл собой бескрайнее пламя.

Дуань Чунсюань удивленно воскликнул:

— Это... тоже иллюзия?

— Нет, — ответил Инь Биюэ. Он услышал, что его голос слегка дрожал.

Чу Хуань создал на арене самый настоящий лес.

Инь Биюэ также заметил, что когда на арене возник разлом, не образовалось ни обломков, ни пыли, словно каменная платформа раскололась по собственной воле.

Это означало, что техника Чу Хуаня "Весна наступила для засохшего дерева" уже вступила в согласие с законами природы.

Старейшины на восточной наблюдательной платформе посмотрели на человека, контролирующего заклинание.

Старейшина секты меча Цинлу нахмурился:

— Ничего не произошло.

Печать заклинания не сработала, а это указывало на то, что мощь этой атаки не превышала наложенные ограничения.

Однако зрители все равно оживленно обсуждали происходящее на арене.

— Это просто невероятно. Он сейчас находится всего лишь на поздней ступени Откровения. Какой же мощью он будет обладать, когда достигнет ступени Обретения бессмертия?

— Он способен в мгновение ока вырастить целый лес?

Это действительно казалось невероятным.

Вязы на арене уже застилали небо и закрывали землю. Их листья и ветви переплелись, словно изолируя это место от окружающего мира. Таким образом, они не только скрыли арену от посторонних глаз, но и сделали ее личными владениями Чу Хуаня.

Он стоял посреди платформы с бледным лицом и сияющими глазами.

Эти листья и ветви заменяли ему чувства, беспрестанно передавая ему информацию о местонахождении и атаках его противника.

Как только одна часть леса погибала, вместо нее мгновенно вырастала новая. Какое-то мгновение смерть и рождение сменяли друг друга, как бесконечный круг реинкарнации. Деревья бесконечно росли и преумножались.

Собравшаяся вокруг арены толпа толком не могла разглядеть ни фигур людей, ни вспышек пламени.

Даже если полностью сосредоточиться, можно было слышать лишь дуновение ветра и тихое шуршание листьев, которое напоминало набегающие морские волны, омывающие небо и землю.

Инь Биюэ наконец-то смог подтвердить свою догадку.

— "Рождение изумрудного прилива".

По боевой мощи техника "Весна наступила для засохшего дерева" входила в тройку лучших. Никогда прежде ее не мог изучить человек, не достигший хотя бы ступени Просветления. Дело в том, что если духовные меридианы не были достаточно чисты, то для ее поддержания не хватало истинной сущности.

Тем не менее, Чу Хуань уже сейчас был способен не только использовать эту технику, но и установить связь с законами природы, черпая силу у небес и земли.

Это внушало ужас. Создавший эту технику святой, который жил в эпоху Святых, еще будучи на ступени Обретения бессмертия, истощил до смерти Мудреца.

Даже если учитывать текущий уровень Чу Хуаня и ограниченное количество его истинной сущности, все равно этого было достаточно, чтобы у некоторых людей изменились выражения лиц.

Старейшина секты Ляньцзянь выглядела удивленной. Прежде ей казалось, что она все знает о Чу Хуане. Кто мог ожидать, что она недооценивала этого молодого человека.

Многие люди подумали о Ло Минчуане, который все еще находился посреди леса. Что он предпримет, чтобы избежать бесконечных опасностей? Может, он ранен? Вдруг он истощил свою истинную сущность, когда поддерживал море огня?

С точки зрения Чу Хуаня, его противник постоянно перемещался с большой скоростью. Хотя он не мог определить его точное местонахождение, весь лес стал его глазами и ушами. Даже если Ло Минчуань двигался очень быстро, под непрерывным градом атак он мог совершить оплошность. Более того, чтобы поддерживать такую скорость, требовалось огромное количество истинной сущности.

Он даже понял, что его противник ранен, как только ощутил липкие капли крови, падающие на зеленую листву.

На самом деле, Ло Минчуань стоял на одной из веток дерева в южной части арены. У него было очень спокойное выражение лица.

Ветки и листья под его ногами затихли. Они лишь ласково касались его одежды, словно пытались снискать его расположение.

В какой-то момент его глаза изменили свой цвет, став черными, как долгая безлунная ночь.

Он мог видеть все, что происходит в лесу, и даже выражения лиц людей, собравшихся вокруг арены.

Он мог видеть тревогу во взгляде своего младшего брата-ученика.

Ло Минчуань закрыл глаза.

В огромном лесу, который застилал небо и закрывал землю, поднялся ветер.

Ураганный ветер раздувал его одежды. Опавшие листья поднялись в воздух и закружились в неистовом танце.

Чу Хуань почувствовал внезапную боль в своем сердце и меридианах. Он не удержался и сплюнул полный рот крови!

Дело в том, что в это мгновение его связь с лесом принудительно оборвали. Казалось, на его море познания опустился удар меча, оставляя глубокий разрез, проникающий до самого костного мозга.

В следующее мгновение все ветви деревьев и плети лозы набросились на него как безумные. Все, что находилось в поле его зрения, стало его врагом!

Все присутствующие увидели, как весь лес задрожал от ветра, а затем быстро принялся засыхать и увядать. Упавшая на землю труха смешивалась с пеплом и разлеталась во все стороны.

Затем все увидели Чу Хуаня. У него было бледное лицо, а из уголка рта змеилась струйка крови. Его фиолетовые одежды были порваны в нескольких местах, словно его поцарапали ветки деревьев.

Его голос прозвучал немного хрипло.

— Я признаю поражение.

Разломы на каменной поверхности арены закрылись, от них не осталось и следа. Только если пристально приглядываться, можно было заметить причудливую паутину трещин.

Зрители еще не успели прийти в себя.

Никто толком не понимал, что сейчас произошло. Этот бой закончился так внезапно. На арене остался лишь красивый узор из тонких линий.

Инь Биюэ присмотрелся, и он показался ему смутно знакомым. Словно эти отметки остались от какой-то печати заклинания.

Ответственный за объявление результатов боя ученик секты меча Цинлу провозгласил:

— Бой окончен. Победил Ло Минчуань из секты Цанья...

Ло Минчуань слегка поклонился Чу Хуаню.

— Принимаю.

И тогда кто-то обнаружил, что он все еще стоит на том же самом месте арены, где приветствовал Чу Хуаня. Он не сдвинулся ни на шаг.

Инь Биюэ наблюдал за тем, как старший брат-ученик Ло идет сквозь толпу поздравляющих его людей, кивая им в ответ. Он направлялся прямо к нему.

Инь Биюэ сдерживался сколько мог, но в конце концов уголки его рта поползли вверх.

Поэтому Ло Минчуань тоже начал улыбаться.

-
1. Вежливая фраза, которую часто говорят при первом знакомстве.
 2. Китайская идиома, которая также означает большие перемены.

<http://bllate.org/book/12466/1109393>